

## ИЗЪ ТАШКЕНТА.

## I.

Не взирая на многообразные интересы, занимающіе нынѣ въ Россіи вниманіе общества, какъ-то: вопросъ восточный, развитіе земскихъ учреждений въ губерніяхъ, новые суды, и проч., позволительно думать, что дѣла въ Средней Азіи также будутъ не безынтересны для читающей публики, принимая въ соображеніе скудость общераспространенныхъ свѣдѣній объ этой отдаленной части Россіи. Туркестанская область—край новый, недавно присоединенный, еще недавнѣе упроченный за нами, съ малоизвѣстнымъ населеніемъ, съ своеобразными нравами и понятіями. Сарты и узбеки, вновь покоренные нашимъ оружіемъ—населеніе весьма отличное, по своему происхожденію и образу жизни, отъ киргизскихъ племенъ, издавна подвластныхъ намъ и издавна же намъ знакомыхъ, и тотъ, кто возьмется судить объ условіяхъ быта и управленія вновь присоединеннаго края на основаніи данныхъ, пріобрѣтенныхъ въ прежнее время, когда наше господство простиралось только до сыръ-дарьинской линіи, неизбѣжно впадетъ въ ошибки. Между тѣмъ такого рода сужденія, обличающія невѣдѣніе новыхъ порядковъ, уже встрѣчаются въ русской печати и, разумѣется, требуютъ исправленія. Не менѣе любопытно и важно слѣдить за водвореніемъ первыхъ начатковъ европейской гражданственности въ странѣ, которая искони жила въ неподвижныхъ преданіяхъ мусульманства, — видѣть первые шаги, первые успѣхи русскаго вліянія и учреждений, выработанныхъ на началахъ болѣе гуманныхъ и просвѣщенныхъ. — Поэтому, если *Русскій Инвалидъ* сочтетъ это для себя удобнымъ, я рѣшился сообщить въ вашу уважаемую газету свѣдѣнія о тамошнемъ положеніи дѣлъ, и, согласно такому намѣренію, препровождаю вамъ на пробу первое мое письмо. — Въ этихъ письмахъ — опять-таки, если вы согласитесь на мое предложеніе—я буду, держась строгой истины, приближеніе къ которой, кромѣ искренняго моего желанія, облегчится для меня тщательно собираемыми мною фактами и данными, сообщать вамъ, иногда бѣглые, иногда болѣе обстоятельные очерки всѣхъ сто-

ронъ здѣшней жизни—внѣшнихъ отношеній къ средне-азиатскимъ владѣтелямъ, внутренней администраціи, торговли, нравовъ покореннаго населенія, его религіи, судовъ, сближенія его съ русскими, удачъ или затрудненій по устройству края, и т. п.

Скажемъ сперва о нашихъ внѣшнихъ дѣлахъ. — Начать съ того, что въ этомъ отношеніи у насъ обстоятельства сложились недурно и, судя по многимъ признакамъ, обѣщаютъ не ухудшиться и впредь. По справедливости говоря, мы можемъ быть довольны тѣмъ, что достигнуто. Нынѣ упрочилось наше положеніе въ краѣ совершенно и мы въ правѣ считать себя здѣсь, какъ у себя дома. Насъ не пугаютъ уже, какъ прежде, рассказы о томъ, что не сегодня-завтра придетъ какой-нибудь эмиръ или ханъ коканскій и приведетъ съ собою видимо-невидимо войска. Гипотезы о томъ, что погонять насъ за Уралъ, кажутся намъ смѣшными. Послѣ событій минувшаго года, обстановка наша приняла иной видъ. Если бы кто-нибудь изъ живущихъ въ Россіи перенесся теперь къ намъ въ Ташкентъ, онъ не нашелъ бы и слѣдовъ воинственности и военного времени. Правда, часто раздается бой барабановъ, слышатся горны, выстрѣлы, но все это—какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ расположены войска и гдѣ происходитъ ученіе.

Разбитіе подъ Ирджаромъ нашимъ трехтысячнымъ отрядомъ шестидесятитысячной арміи эмира бухарскаго, уже мечтавшаго сдѣлаться новымъ Искендеромъ, — совершившееся именно въ то время, когда было задержано имъ наше русское посольство въ Бухарѣ, обратило на войну эмира съ Россією вниманіе всѣхъ азіатцевъ, и было слишкомъ нагляднымъ доказательствомъ превосходства нашего оружія, чтобы могла еще остаться у нихъ охота вызывать насъ на бой. Да и послѣдовавшее затѣмъ взятіе Ходжента, всегда славившагося своею независимостью, вмѣстѣ съ паденіемъ двухъ первостепенныхъ крѣпостей: Ура-Тюбе и Джузака, безъ сомнѣнія, еще болѣе утвердили ихъ въ этой благоразумной воздержности. — Какъ изъ Кокана, такъ и изъ Бухары доходятъ до насъ извѣстія, убѣдительно свидѣтельствующія объ уваженіи къ русскому имени. — Коканскій



ханъ Худояръ, начавшій съ нами свои сношенія, видимо все болѣе и болѣе сближается съ нами и, кажется, вполне искренно подчиняется русской политикѣ. Вѣроятно, до васъ уже достигло извѣстіе о небываломъ еще примѣрѣ въ исторіи Средней Азіи—о возвращеніи кочевниками одного изъ хищническихъ племенъ, только по имени подвластныхъ Кокану, рабочихъ купца Колесникова, и о томъ, съ какою любезностью отпустилъ онъ плѣнныхъ, противъ ожиданія хищниковъ, которые, конечно, полагали очень услужить Худояру и отличиться предъ нимъ своимъ подвигомъ. На счетъ этого захвата рабочихъ г. Колесникова нужно, кстати, замѣтить, что это произошло въ предѣлахъ области, на территоріи, гдѣ бродятъ еще невступившіе въ наше подданство кочевники, точно также, какъ мы **сейчасъ сказали**, **неподчиняющіеся** и власти коканскаго хана, который собираетъ съ нихъ ничтожную дань только во время пребыванія ихъ въ долинахъ, куда они спускаются съ горъ. Вотъ здѣсь-то и подверглись нападенію промышленники, зашедшіе сюда по неосторожности. — Впрочемъ, нельзя сомнѣваться, что послѣдующія мѣры, то-есть совокупное вліяніе русскаго управленія и коканскаго хана, который, сколько замѣтно, исполненъ желанія жить съ нами въ дружбѣ, положить конецъ этимъ непріятнымъ, хотя и несчастнымъ, случаямъ. Къ тому же нѣкоторая часть упомянутыхъ выше пограничныхъ кочевниковъ уже изъявила желаніе вступить въ наше подданство. — Что касается Худояра, то онъ, повторяемъ, едва ли откажется искренно способствовать нашимъ цѣлямъ. Вы, вѣроятно, знаете также о непріятіи и высылкѣ имъ на нашъ постъ одного изъ нашихъ бѣглецовъ; недавно же мы получили новое доказательство истинно дружественныхъ намѣреній теперешняго правителя Кокана. — Въ концѣ октября минувшаго года, съ разрѣшенія военнаго губернатора и по предварительному сношенію съ Худояръ-ханомъ, въ Коканъ былъ отправленъ караванъ нашего дѣятельнаго и предприимчиваго купца Хлудова. Какъ ни много было вѣроятія въ томъ, что купцы эти совершатъ свой путь благополучно, но какъ при этомъ случаѣ русскіе первый разъ являлись въ Коканъ, то путешествіе этого каравана возбуждало всеобщій у насъ интересъ, причемъ, конечно, не обошлось безъ разныхъ толковъ объ опасностяхъ, будто бы испытанныхъ нашимъ торговымъ людомъ въ Коканѣ. Воспоминанія о подобныхъ

случаяхъ въ прежнее время были такъ еще свѣжи, что толки эти весьма естественны. Такъ, въ одно утро полученъ былъ слухъ, будто бы купцы эти арестованы и что къ ихъ товарамъ также приставленъ караулъ. Понятно, что это доставило желанную пищу людямъ, склоннымъ къ пустой и напрасной тревогѣ и которыхъ всегда и вездѣ найдется довольно; но удовольствіе ихъ не было продолжительно. Полученныя вскорѣ изъ Кокана письма объяснили въ чемъ дѣло: первое появленіе русскихъ въ Коканѣ не могло не произвести—да не обидятся этимъ наши соотечественники—такого же впечатлѣнія, какое, напримѣръ, производятъ у васъ въ Петербургѣ японцы и какое, надобно думать, будутъ вскорѣ производить присылаемые отсюда къ вамъ депутаты отъ нашихъ туземцевъ. Хотя средне-азіатцы, какъ народъ торговый, общительнѣе другихъ мусульманъ, но новость факта поражала ихъ, какъ диковина: толпы любопытныхъ постоянно провожали разгуливающихъ въ Коканѣ московскихъ прикащиковъ, соблюдая, однако, полное благочиніе, только фанатики изъ *духовныхъ* позволяли себѣ ругать ихъ на улицѣ, что очень естественно въ магометанскомъ городѣ, гдѣ впервые показались русскіе. Ничего худшаго не было. Напротивъ, съ прикащикомъ г. Хлудова обращались какъ нельзя лучше, и онъ самъ, опасаясь по незнакомству съ городомъ, громадной толпы любопытныхъ, стекавшейся также и къ его лавкѣ, просилъ у старшаго полицейскаго чиновника стражи, вслѣдствіе чего къ его лавкѣ былъ приставленъ одинъ полицейскій для разгона любопытныхъ зѣвакъ. Вотъ въ чемъ состоялъ караулъ, приставленный коканцами; другаго не было. — На дняхъ участники каравана воротились обратно и, какъ слышно, доставили своему хозяину весьма хорошую прибыль. — Во всемъ этомъ дѣлѣ коканскія власти обнаруживали большую предупредительность къ русскимъ.

Изъ Бухары также пришли караваны, и торговля съ нею быстро возстановляется; вмѣстѣ съ тѣмъ, караваны эти доставили свѣдѣнія, что Бухара еще не успокоилась, но уже безпокойства эти не только не угрожаютъ намъ какими-либо хлопотами, а скорѣе клонятся къ тому, чтобы подчинить Бухару нашему вліянію. — Мы узнаемъ, что бывший бекъ Ура-тюбинскій (Абдулъ Гафаръ) находится съ небольшою шайкою на зимовкѣ въ горахъ, среди кочующаго населенія, въ 80-ти верстахъ отъ Ура-Тюбе, не признавая власть эмира бухарскаго надъ со-



бою, а хана Шахр-Зябскаго, уже заявлявшаго намъ свою дружбу и который намѣренъ быть независимымъ отъ эмира. Недавно прїѣзжала въ Самаркандъ мать эмира, совѣтуя ему соединиться съ ханомъ Шахр-Зябскимъ и склонить его къ общей войнѣ противъ русскихъ, но эмиръ не поддался на эти совѣты. По рассказамъ, эмиръ находится въ самомъ жалкомъ положеніи; опасаясь возвращенія въ Бухару, онъ вынужденъ оставаться въ Самаркандѣ, и, не имѣя средствъ содержать свои войска, разрѣшилъ двумъ тысячамъ туркменъ грабить Киргизъ въ нашихъ предѣлахъ. — Ресурсъ чисто азіатскій! Сомнѣваемся, чтобы это разрѣшеніе, если оно дѣйствительно было, принесло ему много пользы. У насъ власти всегда на сторожѣ, и противъ подобныхъ намѣреній тотчасъ принимаются мѣры. — По другимъ извѣстіямъ, дополняющимъ предыдущія, бухарскій эмиръ, покинувъ всякую мысль о примиреніи съ своимъ непокорнымъ родственникомъ, пошелъ на хана Шахр-Зябскаго съ двадцатитысячнымъ войскомъ. Но, кажется, успѣхъ не сопровождаетъ его. Изъ названнаго числа жители Шахр-Зябса взяли въ плѣнъ 500 чел. и намѣрены защищаться. Кроме того, были слухи, что жители этого города желаютъ принять подданство Россіи и потому просятъ выслать къ нимъ на помощь противъ эмира войско и прислать прокламацію для ознакомленія съ требованіями русскаго правительства. — Къ этому нужно прибавить, что движеніе противъ власти жестокаго и капризнаго эмира не ограничивается отложениемъ Шахр-Зябскаго хана; извѣстно, что каршинскій бекъ, племянникъ эмира, равнымъ образомъ возмущенъ противъ своего дяди и собираетъ вокругъ себя недовольныхъ нынѣшнимъ бухарскимъ правительствомъ. Приведенный сейчасъ слухъ о желаніи жителей Шахр-Зябса, вступить въ подданство Россіи, а также продолжающееся недовольство въ различныхъ мѣстахъ бухарскихъ владѣній, по видимому, указываютъ, что депутаціи, явившіяся, въ октябрѣ мѣсяцѣ, подъ Джумахъ къ командующему отряду съ приглашеніемъ двинуть наши войска впередъ, чтобы свергнуть эмира или заставить его подчиниться Россіи, какъ видно, не бросали своего намѣренія такъ или иначе достигнуть своей цѣли. Разумѣется, прямаго вмѣшательства со стороны русскихъ здѣсь вовсе не нужно; для насъ нужно лишь то, чтобы Бухара, наравнѣ съ прочими сопредѣльными намъ

владѣніями, подчинялась направленію русскаго политикѣ. Для этого не требуется никакихъ героическихъ средствъ. — Кроме военныхъ неудачъ, испытанныхъ эмиромъ, кроме того, что средне-азіаты, разъ ближе ознакомившись съ русскимъ правленіемъ, не могутъ не предпочитать его своимъ старымъ порядкамъ, нѣтъ сомнѣнія, что на эту рѣшимость ихъ — подчиниться господству Россіи, много вліяла и самая личность эмира, личность нисколько непривлекательная и неспособная внушать къ себѣ сильной преданности. Это самовластный, преданный своимъ страстямъ правитель, съ переменчивымъ, беспокойнымъ характеромъ. Это вѣрный образецъ азіатскаго деспота. Подданные его желаютъ мира, не желаютъ вражды съ Россіею, невыгодной для торговли, и не перестаютъ роптать противъ безпорядочныхъ дѣйствій своего властелина.

При подобной внѣшней обстановкѣ, мы, конечно, имѣемъ всю возможность предаваться мирнымъ трудамъ и удовольствіямъ, и въ этомъ отношеніи минувшій годъ не прошелъ безплодно. Предприняты работы по устройству и украшенію города. Въ Ташкентѣ проведено шоссе, составлявшее существенную необходимость для жителей. Эта новинка, исполненная минувшимъ лѣтомъ, привлекаетъ толпы гуляющихъ и, вѣроятно, будетъ привлекать постоянно, потому что зимою здѣсь грязь невылазная. Не хвалимся, это не Невскій проспектъ, но для насъ оно имѣетъ не меньшую цѣну; притомъ же, по мѣрѣ возможности, дѣлается все, чтобы придать ему оживленную внѣшность. И теперь уже, русскому человеку, послѣ крайняго однообразія среднеазіатскихъ деревенекъ и городовъ, не можетъ не быть пріятно пройти по этому шоссе: кругомъ его устроивается такъ называемый *европейскій кварталъ*, и хотя, въ теченіе полугода, какъ онъ началъ строиться, въ немъ не могло еще совершиться много построекъ, но есть уже до 20 изрядныхъ домовъ, съ европейскими фасадами и весьма красивыми фронтонами, а одинъ даже съ тротуарами, магазинами и кафе-рестораномъ. — Какъ ни хороша зелень и горы, которыхъ мѣстами довольно и въ средней Азій, но глазъ охотно останавливается на этихъ предметахъ, вовсе уже незнакомыхъ въ нашихъ краяхъ. Если въ Россіи успѣшно пойдетъ подписка на сооруженіе храма въ Ташкентѣ, то европейскій ташкентскій кварталъ весьма скоро мо-



жеть представить хорошенькій русскій городокъ въ глубинѣ Средней Азіи.—Есть у насъ и общественный домъ для чтенія и для удовольствій. Первоначально онъ нанятъ былъ для чтенія уставовъ, для библиотеки; теперь же приданъ ему и другой, менѣе серьезный характеръ.—Шесть дней въ недѣлю домъ находится въ распоряженіи начальниковъ частей для чтенія уставовъ, — дни и часы для каждой части распределены штатомъ; седьмой же день остается для семейныхъ вечеровъ съ танцами. Такимъ образомъ, одно не мешаетъ другому, а напротивъ мирится дружно. Зданіе отопливается на подписныя деньги; на эти же деньги заказана мебель, которая можетъ пригодиться для библиотеки.—Вечернія собранія, происходившія въ этомъ домѣ на второй день Рождества и передъ Новымъ годомъ, были проведены публикою живо и весело; развлекаемся какъ умѣемъ, безъ особенной требовательности, помня, что это первыя проявленія европейской общестственности въ нашемъ краѣ.

Положено начало и русской школѣ. Для этого училища также существуетъ особое помѣщеніе (нанятое за 100 р. сер. въ годъ), гдѣ должность начальницы выполняетъ одна изъ здѣшнихъ дамъ, взявшая за умѣренное вознагражденіе обучать, кроме офицерскихъ дѣтей, дѣтей унтеръ-офицеровъ, писарей, солдатъ, безъ чего

они могли бы остаться неграмотными. Пока ежедневно приходитъ въ школу 18 дѣтей, но есть полное вѣроятіе, что это число будетъ возрастать непрерывно; тогда придется подумать о другомъ помѣщеніи, такъ какъ нынѣшнее оказывается нѣсколько тѣсно.

Въ заключеніе прибавлю, что депутация, назначенная къ вамъ въ Петербургъ, по всему вѣроятію, будетъ находиться въ первыхъ числахъ января въ дорогѣ; остановка была только за депутатами Ура-Тюбинскимъ и Джузакскимъ, изъ которыхъ первый—старшій муфтіи—прибывъ сюда въ Ташкентъ, заболѣлъ и не могъ слѣдовать въ Петербургъ. Немедленно было сдѣлано распоряженіе о высылкѣ другаго, преимущественно изъ вліятельныхъ лицъ, и такого, который заслуживалъ бы подобнаго отличія. Для депутации былъ составленъ маршрутъ, такъ какъ всѣ разомъ не могутъ ѣхать. Всѣхъ депутатовъ 16 человекъ. Должно предполагать, что они пріѣдутъ въ Петербургъ въ половинѣ или въ концѣ февраля мѣсяца.

На этомъ я покончу свое первое письмо. Повторяю, за нимъ послѣдуютъ другія, если только это будетъ отвѣчать вашему желанію. Съ своей стороны, обещаюсь не упускать ничего, что только можетъ быть интереснымъ для вашихъ читателей и характеризовать положеніе области.

Т—въ.



## + Письма изъ Ташкента.

I.

Дорогой товарищъ.—Называю тебя такъ не потому, что заразился новыми сверхъ-либеральными вѣяніями, а только въ воспоминаніе нашихъ бывшихъ близкихъ и сердечныхъ отношеній. Дѣлаю эту оговорку какъ для тебя, чтобы ты не сомнѣвался въ моихъ скромныхъ и невинныхъ „обывательскихъ“ убѣжденіяхъ; такъ и для стороннихъ лицъ, которыя вздумали бы поинтересоваться нашей частной перепиской. Такіе любознательные люди всегда были, есть и будутъ; строго говоря, и винить ихъ особенно нельзя за это, такъ какъ любознательность есть одна изъ основныхъ способностей человѣка, на которой основывается все его развитіе. Даже животныя бываютъ любознательны, —напр., бараны, идущіе навстрѣчу волку, или фазаны, сами подходящіе къ яркому шиту охотника. Хорошо, если людская любознательность преслѣдуетъ только эти невинныя цѣли; но нерѣдко проявляется любознательность совсѣмъ другого рода,—когда попадаетъ въ бѣду не самъ любознательный, а объектъ его любознательности.

Изъ дѣла Лопухина-Азефа ты самъ можешь усмотрѣть, что такую любознательность нерѣдко проявляютъ даже лица очень высокаго полета и на ней строятъ свою громкую карьеру. Изъ опасенія ввести въ заблужденіе подобныхъ любознательныхъ людей и я дѣлаю эту оговорку, и повторяю, что слово „товарищъ“, обращенное къ тебѣ, отнюдь не слѣдуетъ понимать въ смыс-

лѣ принадлежности пасъ съ тобою къ какому либо сообществу или организаціи. Я бы самъ очень желалъ замѣнить это слово другимъ, такъ какъ оно въ послѣднее время совершенно экспроприровано людьми, совсѣмъ не склонными къ товариществу и дружбѣ въ прямомъ значеніи этихъ словъ; но ничего подходящаго не нашелъ даже въ словарѣ Даля.

Итакъ, дорогой товарищъ и другъ, судьба давно уже занесла меня въ городъ Ташкентъ, на окраину нашей великой матушки—Руси, далеко за границу ея культурныхъ пространствъ.

Тутъ опять можетъ возникнуть новое недоразумѣніе: въ какомъ смыслѣ я разумѣю культурныя пространства? Да, пожалуй, во всѣхъ смыслахъ: земля наша велика и, по мѣстамъ, обильна, но культурныя площади ея составляютъ только незначительные клочки, какъ оазисы среди Сахары; давно и много работаютъ здѣсь надъ вопросомъ о расширеніи культурныхъ площадей и мѣстная администрація, и министерство земледѣлія, но... возъ остается и нынѣ тамъ: что было орошено и культивировано здѣсь до прихода въ край русскихъ, то почти остается и въ настоящее время, послѣ пятидесятилѣтняго владѣнія краемъ. Исключеніе составляютъ развѣ только небольшія пространства холмовъ и предгорій, способныхъ къ культурѣ хлѣбныхъ злаковъ и безъ орошенія: ихъ заняли пришлые изъ Россіи „хлѣборобы“ и такъ энергично ведутъ свои посѣвы, что скоро и эти мѣста превратятся въ бесплодныя пустыни вслѣдствіе полного истощенія почвы.



Затѣмъ, относительно культуры духовной достаточно сказать, что здѣсь мы еще не доросли ни до выборныхъ городскихъ управленій, ни до земства, ни до представительства въ Государственной Думѣ: можешь уже по этому судить, на сколько мы здѣсь культурны. Правда, у насъ есть гимназіи—мужская и женская, реальное училище и коммерческое, наберется десятка два другихъ школъ; но это все разложи на городъ съ 160000 жителей, тогда и получишь надлежащее представление о нашей культурности. Бываютъ у насъ и театры, и оперные пѣвцы пріѣзжаютъ на гастроли, но... нерѣдко сами же платятся карманомъ за свою любознательность—посмотрѣть на наши интересныя палестины. Есть у насъ и желѣзная дорога и конка: но съ желѣзной дорогой и теперь еще нерѣдко конкурируютъ мѣстные корабли пустыни—верблюды; перевозя грузы дешевле и нерѣдко скорѣе, и не утрачивая ихъ въ пути, какъ то нерѣдко дѣлаетъ желѣзная дорога. Конка же хотя и доставляетъ нѣкоторыя удобства обывателямъ, заставляя ихъ утопать въ грязи только при подходѣ къ ней поперекъ дороги, а не на протяженіи всѣхъ переходовъ черезъ улицы, но для нея устроены пока только двѣ линіи, захватывающія весьма незначительную часть нашихъ обширныхъ городскихъ палестинъ, такъ что большая часть обывателей лишена возможности пользоваться этимъ прогрессивнымъ учрежденіемъ и прибѣгаетъ при передвиженіяхъ къ мѣстнымъ трясучимъ и грязнымъ фаетонамъ, или къ глубокимъ калошамъ, которыя нерѣдко сов-

сѣмъ теряютъ въ грязи; а иногда не отказываются даже отъ путешествія на мѣстныхъ фараоновыхъ колесницахъ—туземныхъ арбахъ, которыя хотя крайне неудобны и неуклюжи, но за то не застрянутъ даже среди тапкентской грязи. Особенно же большую пользу онѣ приносятъ при проѣздѣ пассажировъ съ вокзала желѣзной дороги. Не будь ихъ, положеніе путниковъ часто было бы совершенно безвыходное: поѣзда, по обыкновенію, нерѣдко запаздываютъ и приходятъ ночью; а наши извозчики—народъ балованный, любятъ комфортъ, и ночью на вокзалъ ни за что не поѣдутъ; пѣшкомъ итти—далеко и опасно: можно совсѣмъ засѣсть въ грязи или лишиться не только своихъ денегъ, но и костюма, такъ какъ вблизи вокзала особенно энергично работаютъ ночные «товарищи», которые не гнушаются носить слежку съ чужихъ плечъ и твердо помнятъ поговорку: доброму вору все въ пору. Оставаться до утра на вокзалѣ—тоже нельзя, не позволяютъ, а вблизи нѣтъ ни гостиницъ, ни трактировъ, ни даже частныхъ домовъ, изъ которыхъ, навѣрно, не выгнали бы бѣднаго путника такъ жестоко, какъ гонятъ его съ вокзала. Вотъ здѣсь то и выручаетъ запоздаващаго пассажира туземная колесница—арба: она хоть вымотаетъ всю душу у путника и растрясетъ ему всѣ кости, но все таки рано или поздно—доставитъ его въ городъ. Правда, это не дешево обойдется и для кармана, такъ какъ никакой таксы для этихъ добровольцевъ—извозчиковъ нѣтъ; но при подобныхъ обстоятельствахъ выгоды даже лишиться половины имущества, чѣмъ



потерять все, или нажить смертельную болѣзнь, проводя ночь подъ открытымъ небомъ: эти обстоятельства ты прими во вниманіе, если дѣйствительно, рѣшишься на такой подвигъ—посѣтить нашу Средне-азиатскую столицу. Такова въ общемъ наша культура. Къ этому можно прибавить, что у насъ есть четыре газеты, изъ которыхъ двѣ почти никто не читаетъ, а выписываютъ только по обязанности; есть публичная библіотека, которую рѣдко кто посѣщаетъ; есть городская дума, въ которую гласные рѣдко собираются; устраиваются иногда чтенія и рефераты, на которыхъ рѣдко бывають посѣтители; есть три собранія въ которыхъ всегда можно сыграть въ картишки; есть различныя ученныя и просвѣтительныя общества, жизнь которыхъ происходитъ больше на бумагѣ и т. д. Въ Ташкентѣ не мало разныхъ магазиновъ, изъ которыхъ многіе занимаются не только торговлею, но и филантропіей: нерѣдко устраиваютъ дешевки, на которыхъ продаются товары со скидкою 50% и болѣе, какъ сами они объявляютъ; а нѣкоторые изъ нихъ пошли еще далѣе—устроили постоянную дешевку и занимаются одной только филантропіей. Центральный пунктъ всей торговли—базаръ, несомнѣнно, очень полезное учрежденіе, такъ какъ здѣсь, почти не сходя съ мѣста, можно купить все, что требуется: духи и мыло, деготь и рыбу, керосинъ и мясо, фрукты и старую одежду, хлѣбъ и старую обувь, модные товары и желѣзный ломъ и т. д. Совмѣщеніе всѣхъ этихъ товаровъ въ одномъ мѣстѣ, несомнѣнно, представляетъ очень большія удобства,

въ смыслѣ сокращенія разстояній, хотя, конечно, сильно отражается на качествахъ покупаемыхъ здѣсь товаровъ: отъ рыбы, напр., пахнетъ керосиномъ, отъ конфетъ и хлѣба—сапужнымъ товаромъ и т. п. Но это, конечно, пустяки для невзыскательнаго и не брезгливаго человѣка, и съ этимъ нужно мириться: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, обращать вниманіе на всѣ капризы обывателей. Они нерѣдко, напр., жалуются, что трудно пробраться по базарной грязи, что тамъ порядка нѣтъ въ распредѣленіи товаровъ, что такса почти никогда не соблюдается и т. п. Но нужно только имѣть достаточную сноровку и опытность, чтобы избѣжать этихъ неприємностей: нужно знать, гдѣ что продается, гдѣ находятся броды и переправы черезъ базарную грязь и уметь вести разговоры съ продавцами, особенно же съ мясниками: послѣдніе народъ очень самолюбивый и обидчивый, и нерѣдко наказываютъ строптивыхъ покупателей, или вовсе отказывая имъ въ продажѣ мяса, или продавая такое, что не сразу и поймешь, отъ какого оно звѣря и какой давности. Можно даже предположить, что всѣ они состоятъ членами общества покровительства животнымъ, а потому рѣшаются убивать только ту скотину, которая по преклонности лѣтъ все равно долго не можетъ жить.

На первый разъ, я думаю, довольно познакомилъ тебя въ общемъ видѣ съ нашей столицей Средней Азіи; а подробности—до слѣдующихъ писемъ.

Твой С.



## Письма изъ Ташкента.

### III.

Если подробно говорить о вліяніи мѣстнаго климата и санитарныхъ условій жизни на здоровье русскаго населенія города, то можно никогда не кончить этого вопроса. Чтобы особенно не докучать и не надоѣдать съ нимъ, я ограничусь лишь двумя замѣчаніями, имѣющими весьма важное практическое значеніе.

При описанныхъ выше условіяхъ мѣстный обыватель одну половину года пропитывается здѣсь насквозь сыростью, а другую половину—высушивается на лѣтнемъ солнцепекѣ. Крѣпкія натуры еще такъ, или иначе выдерживаютъ этотъ суровый режимъ; но слабыя и особенно дѣти сильно страдают и нерѣдко навсегда теряютъ свое здоровье. Особенно тяжелы эти условія вреднаго и непривычнаго Ташкентскаго климата для учащихся дѣтей, которыя ни зимой, ни лѣтомъ не имѣютъ надлежащаго отдыха и не могутъ укрѣпить свое здоровье: какой можетъ быть отдыхъ при 50% жары среди пыльной и душной городской атмосферы, или за городомъ, среди рисовыхъ полей и болотъ? Въ Индіи англичане приняли за правило каждое лѣто отправлять своихъ дѣтей въ горы, гдѣ они не такъ изнуряются отъ непривычнаго тропическаго климата, къ которому европейцы не могутъ приспособиться даже во второмъ поколѣніи. У насъ также были попытки организовать какую-нибудь колонію для дѣтей въ ближайшихъ горахъ, куда отправляютъ для поправленія здоровья слабосильныхъ солдатъ. Но что признано полезнымъ и необходимымъ для взрослыхъ солдатъ, то еще не вошло въ сознаніе мѣстныхъ педагоговъ и родителей въ отношеніи дѣтей: разговоры и обсужденія этого вопроса продолжаются уже болѣе 20 лѣтъ, но и до сего времени это дѣло остается только на

бумагѣ. Въ нынѣшнемъ году вновь—возникъ этотъ проектъ среди родительскаго комитета,—организовать лѣтнюю колонію для учащихся въ Чимганскихъ горахъ, и дай Богъ, чтобы эта попытка увѣнчалась наконецъ успѣхомъ. +

Зимняя распутица каждый годъ ставитъ городъ Ташкентъ въ положеніе острова, отрѣзаннаго отъ его окрестностей, кромѣ желѣзной дороги и одной шоссейной, проведенной къ лѣтнимъ лагерямъ, всѣ остальные вѣзды и выѣзды изъ Ташкента въ распутицу бываютъ фактически непроходимы иногда не только для русскихъ экипажей и телегъ, но даже и для туземныхъ арбадаже верхомъ не всегда можно проѣхать по окраиннымъ Ташкентскимъ дорогамъ и улицамъ. Объ этомъ думаютъ, совѣщаются, изыскиваютъ разные способы и средства, чтобы устранить это бѣдствіе, одинаково вредное, какъ для Ташкента, лишаящагося подвоза продуктовъ и припасовъ, такъ и для окрестныхъ сельскихъ жителей, не имѣющихъ возможности сбывать эти продукты. Исходатайствовали даже особый налогъ на товары, привозимые по подъѣзднымъ путямъ, много и давно толкуютъ о постройкѣ Дековильки для подвоза камня и песку, необходимыхъ для замощенія Ташкентскихъ площадей и улицъ, но навѣрное, пройдутъ еще цѣлые десятки лѣтъ, пока этотъ вопросъ будетъ благополучно разрѣшенъ, и долго еще нашъ городъ будетъ каждую зиму утопать въ непролазной грязи.

+Особенно тяжело такое бездорожье для туземной части города: ея громадный базаръ только одной порядочной дорогой соединенъ съ русской частью города; а во всѣ остальные стороны въ распутицу онъ становится почти недоступнымъ. Жители давно уже стонутъ и молятъ городское самоуправленіе положить хоть одну дорогу, чтобы соединить съ базаромъ обширную часть города, расположенную въ противополож-



ную сторону отъ русской его части, а также обширную культурную площадь загородную; но городское самоуправление ограничивается пока одними общими. А вѣдь старый городъ даетъ въ городскую кассу доходы, и не малые, и игнорировать его неотложныя нужды несправедливо и даже не выгодно для самого города. Впрочемъ, что же говорить про старый городъ, когда и въ русской его части есть старинныя очень населенныя улицы, какъ, напр., Госпитальная, по которымъ въ зимнее время не бываетъ дороги ни конному, ни пѣшему. И пока Ташкентская городская дума будетъ заражена боязнью производить даже самые неотложные и продуктивные расходы держаться узкой и отсталой политики денежных сбереженій и не озаботится расширеніемъ городского хозяйства и увеличенія его доходности, дѣло городского благоустройства не только не пойдетъ впередъ, но даже можетъ постепенно падать и разрушаться.

Наше Ташкентское и вообще Туркестанское бездорожье,—такъ какъ игнорированіе этого дѣла касается не только города Ташкента, но и всѣхъ другихъ городовъ, селъ и степей Туркестана,—имѣетъ только одну хорошую сторону: оно сильно поддерживаетъ въ краѣ колесный и экипажный промыселъ. Повсюду на окраинахъ города можно встрѣтить мастерскія для починки мѣстныхъ арбъ, и въ окрестностяхъ специально для этого промысла насаживаютъ и выращиваютъ цѣлыя роши мелкаго карагача: А конецъ Московской улицы, черезъ которую проходитъ дорога въ житницу Туркестана—Семирѣчье, весь занятъ экипажными заведеніями для русскихъ экипажей и телѣгъ, и всегда въ нихъ кипитъ работа. Здѣшніе мастера говорятъ, что Туркестанскихъ дорогъ не выдерживаютъ даже лучшіе Ростовскіе экипажи, съ желѣзными осями и дубовыми колесами: и только мѣ-

стные мастера умѣютъ къ нимъ приспособляться и дѣлать такія оси и колеса, которыя пригодны для этой цѣли: хорошая рекомендація для нашихъ дорогъ, и кто достаточно знакомъ съ ними, повѣритъ, что это не сказка; нерѣдко встрѣчающіяся телѣги и арбы, брошенныя среди улицъ и дорогъ, вполне оправдываютъ эту рекомендацію.

Здѣсь кстати вспомнить про одну подробность въ этомъ дѣлѣ: давно уже доказано, что кромѣ т. ск., стихійныхъ причинъ, на порчу мѣстныхъ дорогъ сильно вліяютъ туземныя арбы, сконструированныя такимъ образомъ, что весь грузъ ихъ—пудовъ до 50-60—опирается на два колеса діаметромъ до сажени съ ободомъ толщиною не выше  $1\frac{1}{2}$  вершка. Такое колесо рѣжетъ, точно ножомъ, не только грунтовую дорогу, но и шоссеиную, и даетъ громадныя колеи—рытвины, въ которыхъ скопляется вода и довершаетъ дѣло разрушенія дорогъ. На сколько помню, для устранения этого зла было давно уже издано особое распоряженіе, по которому такія узкія ободья на колесахъ воспрещаются, и былъ назначенъ опредѣленный срокъ для замѣны ихъ болѣе широкими ободьями до  $2\frac{1}{2}$  вершковъ. Но давно уже прошли всѣ эти сроки, а о постановленіи, кажется, и совсѣмъ забыли, и до сего времени едва ли во всемъ краѣ можно найти хоть одну арбу установленнаго образца: жаль,—такая мѣра не была бы особенно тяжела для жителей, все дѣло здѣсь только въ привычкѣ, а для сохраненія дорогъ она имѣла бы весьма существенное значеніе.

Ну, довольно о нашей гнили и грязи, которыя насъ заѣдаютъ и будутъ заѣдать еще долгіе годы, такъ какъ никакія рѣшительныя мѣры къ устраненію ихъ не только не предпринимаются, но даже пока и не проектируются.

Твой С.



## Письма изъ Ташкента.

Начну съ погоды: теперь у насъ это самое больное мѣсто. Если ты посмотришь на географическую карту, то увидишь, что Ташкентъ, лежащій чуть не въ центрѣ Азіи, вдали отъ всякихъ морей и океановъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ безводными степями, долженъ имѣть самый континентальный климатъ—здоровый и сухой. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ: лѣтнія жары, дѣйствительно, достигаютъ здѣсь  $50^{\circ}$  С, и дождей лѣтомъ не бываетъ въ теченіе по крайней мѣрѣ трехъ мѣсяцевъ; но въ остальное время года нерѣдко творится что то невообразимое: то дождь, то снѣгъ, то туманы и постоянная пронизывающая сырость. Зимой изрѣдка, недѣли на двѣ, бываютъ небольшіе морозцы, немного осушающіе воздухъ и почву, но большую часть зимняго времени мы испытываемъ самый настоящій морской климатъ. Въ это время весь городъ представляетъ изъ себя громадный питомникъ для всякихъ бациллъ и бактерій: весь Ташкентъ расположенъ въ садахъ, повсюду проведена масса арыковъ, почва его крайне гигроскопична, легко впитываетъ въ себя и долго держитъ въ себѣ влагу, а густая сѣть высокихъ деревьевъ, повсюду насаженныхъ на улицахъ, площадяхъ и въ садахъ, мѣшаетъ естественной вентиляціи города, задерживая всякія теченія воздуха. На всемъ протяженіи города повсюду гниютъ вѣтви и листья, высохшая трава и всякіе отбросы городской жизни; арыки насыщаются этимъ экстрактомъ и успѣшно разносятъ заразу по всему городу, и вредныя испаренія, поднимаясь съ земли, висятъ въ воздухѣ и отравляютъ жителей. Умеренная температура и насыщенность почвы и воздуха влагой въ высокой степени способствуютъ процессамъ раз-

ложенія и гніенія и развитію всякихъ болѣзнетворныхъ организмовъ. При такихъ условіяхъ только самыя строгія и рѣшительныя мѣры къ упорядоченію городскихъ насажденій, содержанію въ надлежащей исправности арычной системы и къ поддержанію чистоты вездѣ и во всемъ могли бы поддержать санитарное состояніе города на надлежащей высотѣ. Но кто и какъ будетъ дѣлать это? На счетъ этого до сего времени даже не издано точныхъ и опредѣленныхъ постановленій, а потому каждый обыватель въ дѣлѣ засажденія своихъ участковъ, поливки ихъ, содержанія и пользованія арычной системой и т. п.,—руководствуется болѣе своими собственными соображеніями, чѣмъ какими либо правилами. Да и много нужно положить труда и энергіи, чтобы приучить къ чистотѣ и аккуратности не только городскихъ обывателей, но даже цѣлыя учрежденія и общества. Уже подѣзжая къ Ташкенту, особенно съ той стороны его, гдѣ расположены свалочныя мѣста, вы почувствуете его спеціальныя ароматы и будете зажимать свой носъ: это результатъ вывозки всякихъ отбросовъ и экскрементовъ въ худыхъ и дырявыхъ бочкахъ и лѣнкости или наглости господъ, занимающихся этимъ дѣломъ, которые не стѣсняются недовозить свою кладъ до свалочнаго мѣста и постепенно разливать и разбрасывать ее по дорогѣ: можетъ ли быть что либо позорнѣе для благоустроеннаго людского общества, какъ подобное явленіе, и терпимо ли оно не только въ столицѣ цѣлаго края, но даже въ самой захудалой деревнѣ? А между тѣмъ въ Ташкентѣ такое положеніе этого дѣла давно существуетъ, всѣмъ оно извѣстно и до сего времени не могутъ искоренить его. Въ самомъ городѣ всю накопленную за дождливое время грязь съ улицъ сбрасываютъ въ тѣ же арыки, которые разносятъ ее по всему городу и водой которыхъ питается большая часть населенія. Городскія



насажденія, парки и сады не подчищаются, какъ слѣдуетъ, разрастаются въ цѣлыя рощи и при поливкѣ нерѣдко превращаются въ болота стоячей воды. Если такъ обстоитъ дѣло въ общественныхъ учрежденіяхъ,—то что сказать про частныя владѣнія обывателей, большая часть которыхъ даже не понимаютъ всего значенія санитарныхъ требованій? Каждый стремится эксплуатировать свою собственность возможно выгоднѣе, а потому засаживаетъ растительностью всякій клочекъ земли, такъ что даже въ жаркое лѣтнее время густо затѣненная земля не просыхаетъ; при этомъ для экономіи же поливка нерѣдко производится крайне безпорядочно,—заливаются водою цѣлыя площади, арыки плохо чистятся, соръ и отбросы не вывозятся и утилизируются здѣсь же на мѣстѣ въ городѣ и т. д.

Воды въ Ташкентѣ—цѣлое море: по всѣмъ улицамъ, около каждаго дома, въ каждомъ саду бѣгутъ въ нѣсколько рядовъ арыки разной величины, но всѣ открытые, проложенные не въ трубахъ и не въ искусственной кладкѣ, но вырытые въ естественномъ грунтѣ; нерѣдко они разливаются въ широкія лужи и такъ обильно орошаютъ всю площадь города, что онъ представляетъ изъ себя сплошное болото. Къ этому нужно еще прибавить ежедневную поливку въ лѣтнее время всѣхъ улицъ города—нерѣдко такую обильную, что онѣ не просыхаютъ даже въ теченіе ночи.

Воды здѣсь—бездна, и злоупотребляютъ этимъ даромъ Божіимъ самымъ безбожнымъ образомъ. И чего-чего только не бываетъ въ этой водѣ, чѣмъ она не насыщается? Въ нее сваливаютъ уличную грязь и всякіе кухонные и домашніе отбросы; въ ней купаются, моютъ грязное бѣлье и посуду; въ арыкахъ не рѣдкость найти и грязную тряпку, и дохлыхъ животныхъ...,—и эту же воду пьютъ не только животныя, но

и люди. Водопровода, колодцевъ и какихъ-либо резервуаровъ съ чистой водой въ городѣ нѣтъ, и большая часть населенія для изготовленія пищи и для питья пользуется той же самой арычной водой... Правда, болѣе богатые люди покупаютъ отъ водовозовъ какую-то другую воду, привозимую въ старыхъ и грязныхъ деревянныхъ бочкахъ; но это удовольствіе обходится сравнительно не дешево и совсѣмъ не по карману бѣдному люду.

Слѣдствіемъ такого загрязненія почвы, обилія и нечистоты воды и такого благорастворенія Ташкентскихъ воздушовъ въ городѣ распространены всевозможныя болѣзни, отъ которыхъ русское населеніе давно-бы вымерло, если бы не пополнялось ежегоднымъ приростомъ пришлаго элемента, стремящагося получить свою долю блаженства въ нашемъ Эльдorado. Изнурительныя лихорадки, тифъ, скарлатина, дифтеритъ, инфлюэнца и разные каттары никогда здѣсь не переводятся, и однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія стоитъ вопросъ больничный, такъ какъ не хватаетъ ни силъ, ни средствъ для обезпеченія населенія достаточной врачебной помощью. А въ настоящее время къ этому прибавляются особенно тревожныя опасенія—за возможность появленія холеры, которая, несомнѣнно, найдетъ здѣсь самыя благоприятныя условія для своего распространенія. Въ послѣднія дни эпидеміи она, къ нашему счастью и благополучію, появлялась только къ концу лѣта и не успѣвала сильно развиваться до наступленія холоднаго времени года; но если, чего можно опасаться, она заберется сюда съ весны или въ началѣ лѣта, то бѣдствіе будетъ громадное.

При такихъ условіяхъ нужны драконовскія мѣры, чтобы привести городъ въ порядокъ въ санитарномъ отношеніи, и не пожалѣть для этого ни силъ, ни средствъ. У насъ же этотъ вопросъ



радикально даже никогда не обсуждался, и ничего не предпринималось, кроме ничтожных паллиативных мѣръ. А что касается до затраты средствъ на улучшение санитарной и больничной стороны въ городѣ, то на это весьма трудно разсчитывать въ настоящее время, когда наше городское самоуправленіе всецѣло занято вопросомъ объ экономіи и сбереженіи средствъ во что бы то ни стало: оно скорѣе согласится оставить городъ въ грязи, безъ питьевой воды, безъ мостовыхъ, безъ больницъ и школъ и т. д., чѣмъ рѣшится прибѣгнуть къ займу для удовлетворенія самыхъ насущныхъ городскихъ нуждъ. Система городского благоустройства и расширенія городского хозяйства при помощи займообразно полученныхъ средствъ, къ которой прибѣгаютъ все лучшіе города Россіи, для нашего городского самоуправления является такимъ жупеломъ, о которомъ оно и помыслить боится. Правда, для того, чтобы вести большое хозяйство, расширять его и такимъ путемъ увеличивать его доходность, нужно имѣть знанія и опытъ и приложить къ этому дѣлу не мало труда и времени. А безъ этого всякіе займы будутъ, дѣйствительно, рискованны и могутъ привести все хозяйство къ краху. Поэтому нельзя осуждать наше городское самоуправленіе за его скромность въ этомъ вопросѣ. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ, выходъ изъ такого крайне ненормального и тяжелого положенія? Повидимому, при указанныхъ условіяхъ, остается только одинъ, хотя не очень либеральный и современный, но за то наиболѣе дѣйствительный и практичный выходъ: воздѣйствіе вѣщей администраціи, къ которому она и начинаетъ прибѣгать въ виду грозящей холерной опасности.

Твой С.

## Изъ практики мусульманскаго народнаго суда.

На страницахъ мѣстныхъ газетъ высказывались недостатки дѣйствующихъ въ мусульманскомъ населеніи народныхъ судовъ и необходимость преобразованія или совершеннаго упраздненія ихъ.

Но пока этотъ назрѣвшій вопросъ разрѣшится, суды эти продолжаютъ свое вредное для населенія дѣло.

Для характеристики привожу фактъ, ясно обрисовывающій нравственный обликъ современнаго народнаго суда въ Туркестанѣ.

Около четырехъ лѣтъ тому назадъ, въ городѣ Ташкентѣ, умеръ сартъ Магометъ-Расуль Шадманъ-баевъ, послѣ смерти котораго остались: домъ, двѣ дачи, товаръ, наличныя деньги и наслѣдники: —вдова Ниса-биби Миръ-Абдуллаева и малолѣтняя дочь Махтума-биби. Вдова умершаго тогда же просила народнаго судью Сибзарской части Гулямъ-хана

произвести опись оставшемуся имуществу и назначить опеку, но онъ ей въ описи имущества, почему-то, отказалъ, а опеку назначилъ въ лицѣ брата умершаго Абдрасуля Шадманъ-баева, которому и ввѣрилъ все имущество безъ описи. Послѣдній, черезъ 2<sup>1/2</sup> мѣсяца, отказался отъ званія и обязанностей опекуна и когда опекуницей была назначена вдова, то: ни товара, ни денегъ, въ наличности не оказалось.

На требованіе вдовы выдать ей копію съ описи и обязать опекуна дать отчетъ, —казій отказался исполнить это „законное“ требованіе и прогналъ ее. Между тѣмъ, изъ памятной книжки опекуна, данной казіемъ вдовѣ, видно, что имъ, казіемъ, принято: наличными деньгами 800 руб., чапановъ на 1000 р., получено съ должниковъ долгу 522 р.